

Идеал прекрасного содержания общественного бытия он рассматривал как антропологический, потому что человек является вершиной развития природы и представляет собой идеал совершенных возможностей среди всего живого на земле. Человек обладает логическим и абстрактным мышлением, рассудком и разумом, способностями к творческой, трудовой деятельности и постижению красоты, гармонии совершенства природы и общества.

Эстетическая оценка человеком социальных отношений представляет собою осознанное сравнение исследуемого объекта с идеалом красоты общественного бытия. Поэтому все, что имеет эстетическую аналогию с человеком, его жизнедеятельностью и произведёнными им объектами духовно-материальной культуры, может быть признано прекрасным. Для определения содержания духовной красоты общественных отношений необходимы критерии культурологического, нравственно-этического и эстетического порядка, поэтому нравственно одухотворённый и эстетически совершенный человек является мерилем красоты физического мира, духовных, социальных, политических, экономических, производственных, этических, правовых и творчески-трудовых отношений. Эстетическое содержание общественной жизни заключается в социально-правовой защите достоинства личности, в патриотической са-

моутвержденности, гражданской справедливости, нравственной чести и духовном милосердии. Источник эстетически справедливых общественных отношений – развитие и совершенствование общественных условий жизни, формирующих «понятия о справедливости из естественного стремления к наслаждению»⁹.

Формирование эстетического содержания общественного бытия, по мнению Лаврова, «может быть совершенно лишь самим народом». «На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена <...> с целью народного блага <...> для народа <...> и посредством народа»¹⁰. Лавров по праву считается основоположником теории и практики революционного народничества.

Примечания

¹ Лавров П.Л. Философия и социология / П.Л. Лавров // Избр. произв.: в 2 т. М., 1965. Т.2. С.635.

² Лавров П.Л. Этюды о западной литературе / П.Л. Лавров. Пг., 1923. С.8.

³ Лавров П.Л. Философия и социология. С.54.

⁴ Там же. С.669–670.

⁵ Лавров П.Л. Этюды о западной литературе. С.47–48.

⁶ Там же. С.45.

⁷ Там же. С.52.

⁸ Там же. С.188.

⁹ Лавров П.Л. Философия и социология. С.460.

¹⁰ Там же. С.483.

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ В РОССИИ: НА ПУТИ ОТ АРХЕТИПА К СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

М.М. Ступин

Саратовская государственная академия права
E-mail: stupinmm@rambler.ru

В статье рассматривается современная российская социальная мифология, выделяются основные архетипические элементы и наиболее распространённые мифологические сюжеты, роль социальных ритуалов в процессе их реализации. Анализ технологических методов мифоконструирования показывает слабые и сильные стороны социомифологического подхода в социальном управлении. Отдельное внимание обращается на проблему противостояния общественного сознания манипуляциям над архетипической структурой социальных мифов.

Ключевые слова: социальная мифология, архетип, социальный ритуал, этномифология, неоязычество, ситуационизм.

Social Mythology in Russia: on a Way from an Archetype to Social Technology

M.M. Stupin

In article considers the modern Russian social mythology, allocates the basic archetypal elements and the most widespread mythological plots, a role of social rituals during their realization. The analysis of technological methods of myth-constructing shows weak and strong sights of the approach in social management. The author pays separate attention on a problem of opposition of public consciousness to manipulations for archetypal structure of social myths.

Key words: social mythology, archetype, social ritual, ethnomythology, neopaganism, situationism.

В последние полтора десятка лет интерес исследователей к области социальной мифологии можно считать не только устойчивым, но и прогрессирующим. Это во многом объясняется прагматическим потенциалом данных исследований, что стало возможным с привнесением в поле социальных изысканий ряда иных теорий (из антропологии, психологии, филологии, семиотики, информатики, кибернетики, синергетики и др.) Особый интерес вызывают перспективы манипулятивных форм социального управления, среди которых не последнее место занимает социальное мифотворчество. Огромный вклад в изучение мифов, в том числе и социальных, внёс психоанализ, теоретически и категориально обогатив исследователей¹. Это позволило раскрыть многие сущностные черты и структурные элементы мифов, подвергнуть их анализу через призму категорий: бессознательное, символ, архетип. Причём последний был провозглашен базовым элементом всего мифологического мышления.

Архетипы существуют в сознании, задавая определенный вектор раскрытия мифологических макросюжетов, повторяющихся ситуационно в различных вариациях. Воспроизведение архетипических сюжетов происходит потому, что сознание не в состоянии пребывать в области рационального, вследствие чего архетип актуализируется. Однако архетипическая структура мифа представляет собой многослойное образование, что сказывается на конечных формах проявлений мифа в пространстве современной социальной реальности.

Отступая в мифологическое пространство, психика человека опирается на архетипы²:

состояния: Хаоса и Порядка и их оппозиции;

оценки: Света и Тьмы (Добра и Зла);

отношения: Свое–Чужое, Мы–Они;

чуда: преодоление оппозиций;

происхождения: Демиурга-Творца, Матери-Природы;

родственности: Отца, Матери, Братства (вместе с сюжетными оппозициями мужского и женского, отцовского и братского и т.д.).

Исторически все они в разных пропорциях и в разном виде актуализировались в национальных мифологиях и мифологемах.

В данный момент наблюдается их рукотворное смешение, и здесь рациональный мотив играет главную роль, в отличие от коллективного бессознательного как естественной среды мифогенеза.

В каждом человеке скрыты архаические черты. Реальные исторические факты человеку не доступны, поэтому любые представления об истории неминуемо заключают в себе элементы мифологического. И чем дальше происходит отход от научного и рационального, тем в большей степени его представления мифологичны. Именно историческая наука является одним из современных лидеров в области мифотехнологий. Это во многом объясняется тем, что в современном обществе стратегии управления в основном опираются на искусственное создание кризиса идентичности и, как следствие, создание постмодернистского варианта исторического континуума.

Характерная для всех национальных культур структура архетипического содержания мифов применительно к анализу российской мифологии имеет ряд характерных черт и мифосюжетных приоритетов. Оценочные и ситуационно оппозиционные архетипы сознания в русской смысловой интерпретации претерпели трансформацию в архетипы *Правды и Лада*. Правда – это совокупность представлений об истине, истинной и праведной жизни, о справедливости и честном деянии. Лад представляет собой идеальный образ гармоничного мироустройства бытия и человека.

Миф народной воли относим к России. В его повествовании говорится о народной воле, заключающей в себе тайну Правды, которую следует искать, отождествляя себя с частью народа, будучи при этом странником, жаждущим Правды. В ином аспекте воля понимается как свобода и простор, что позволяет провести параллель с мифами пространства и, следовательно, с архетипом Лада, символизирующего народный порядок и гармонию.

Мифы о власти (о добром царе-герое или царе-мученике) повествуют о наличии силы, охраняющей Правду. Обычно в мифологическом сознании между царем и народом располагаются нарушители обществен-

ной гармонии (искажающие волю царя, обманывающие, заговорщики). Во времена государственной смуты или политического кризиса обычно популярен миф о герое-избавителе (о сильной руке), от него ожидают чудесного избавления народа от бед и напастей.

Мифы идентификации проявляют себя в период социокультурного кризиса. Именно в это время субъект стремится к идентификации с какими-либо группами по интересам, субкультурными объединениями, этносом, политическим сообществом, культурным стереотипом. Один из аспектов данного мифа – миф присоединения, согласно которому через присоединение к более сильной и развитой стороне (например Европе) народ и его идентификация получают оздоровительный эффект. О смене идентичности говорят мифы перехода, пограничья. Люди, стремясь к восстановлению собственной идентичности, к духовному исцелению, покидают привычную жизнь. К таким мифологическим явлениям относятся: эмиграция в необжитые и таинственные земли (Беловодье, град Китеж), странничество, богоискательство.

Социальной значимостью обладает миф провинциальности, истоком его возникновения являются экономически развитые общности с ярко выраженным центром, в котором сфокусирован весь капитал, что вызывает чувство ущемленности и неполноценности у провинциальных сообществ. Это порождает мифологемы возврата к истинным истокам общежития, сохранившимся в провинции. Региональное пространство выступает островком стабильности в хаосе кризиса государственности. Отсюда усиление федеральной политики в регионах в период нынешнего кризиса.

В пространстве современной постперестроечной и постсоветской социальной мифологии исследователи выделяют четыре основные группы мифов³:

политической и общественной жизни, которые создаются политиками и журналистами;

этнической и религиозной самоидентификации (к примеру, совокупность мифов о России и православии в аспектах прошлого и настоящего);

отражающие внерелигиозные представления (к этому типу следует отнести мифы о снежном человеке, НЛО, экстрасенсах и т.д.); массовой культуры, среди которых одним из основных выступает миф об Америке и американском образе жизни.

Здесь мы уже имеем реальную возможность наблюдать процессы целенаправленного управления мифодинамикой с характерным смешением рационального и иррационального компонентов. Это даёт возможность «замаскировать» миф, одновременно используя всю иррациональную мощь его архетипического содержания. Любой миф может быть воспроизведен так, чтобы логико-рациональный уровень общественного и индивидуального сознания восстанавливался и видоизменялся. Этот новый трансформированный уровень позволяет субъекту воспринимать то, что провоцировало мировоззренческий кризис и потребность в мифах за новую реальность. Однако здесь технологических навыков может не хватить по ряду причин:

отсутствие подробных знаний о работе коллективного бессознательного в процессе естественного мифогенеза;

необходимость глубинного мотива мифотворчества, затрагивающего все уровни архетипической структуры мифа;

обязательное сочетание мифотехнологий с их подробным ритуальным оформлением с целью установления общей модели социо-космогонического праксиса;

обязательная личностная включённость мифотворца в процесс реализации мифотехнологии, так как для создания жизнеспособной мифоконструкции необходимо её укоренение сначала в индивидуальном бессознательном автора, а потом и в коллективном бессознательном.

Тем не менее в сложившейся исторической ситуации применение технологий в пространстве мифов национальной идентичности имеет весьма большой КПД. Во многом это объясняется возникшей политической, социальной и культурной маргинализацией нашего общества и, как следствие, интенсивным поиском идентификационных оснований, часто в форме подражаний, заимствований, сравнений. С этим связаны проб-

лемы самоопределения в контексте международных и внешнеполитических отношений. Острота проблемы заключается в том, что образ России сегодня не только не выглядит привлекательным в глазах живущих за ее пределами, но вызывает много претензий и у собственных граждан. Следует также подчеркнуть особую значимость формирования привлекательного образа первых лиц государства, так как именно они во многом определяют восприятие власти и страны. Технологии имиджмейкерства акцентируются на реализации мифологических конструкций образов героев, лидеров, вождей, пророков. Раскрывается архетипическая специфика героической личности не только лидера, но и лично каждого члена сообщества, внутренне парадоксальная (одновременно культивируется миф об исторической общности и соборности русской ментальности и – о самодостаточности и свободолюбии русского народа).

Одним из направлений этно-идентификационной мифологии стало этно-религиозное и, в частности, неоязыческое. В отличие от православно-христианской, неоязыческая социальная мифология ориентирована на создание нового мироуложения со своей антропоцентрической онтологией, теологией, социологией, этикой. Она имеет целью не воцерквление личности с введением её в гомогенное пространство общины, в системе ценностей которой центральной фигурой является Бог. На первом месте в структуре неоязыческой мифологии находятся архетипы свободы, семьи, дома, происхождения, родства. Это объясняется как процессами технологизации и глобализации социальной сферы, так и их принципиальной новизной и иномодностью для российского менталитета, в связи с чем может интерпретироваться как оборонительно-наступательная стратегия. «Идеология и религия основной массы европейцев и россиян в значительной степени обслуживает экономические интересы. Поэтому они мирятся с положением дел и очень вяло реагируют на симптомы грядущей экологической и этнической катастрофы. Это означает, что для выживания в исторической перспективе нам требуется новая или хорошо забытая старая идея <...> кризис всей евро-

пейской цивилизации обязан забвению язычества и извращению представлений о нем»⁴. Вследствие подобной позиции на уровне идеолого-политических программ возникает противоборство этноса и нации как социополитических макроструктур, что может привести к политической дестабилизации, особенно для полиэтнических государственных образований, в основании политических мифов которых лежат имперские архетипы.

Как уже отмечалось выше, мифотехнологии имеют ограниченную эффективность вследствие ряда объективных причин. Однако рассматривая наиболее действенные из них в рамках мифов национальной идентичности, стоит обратить внимание и на способ увеличения их эффективности. Для национального мифа основополагающим защитным механизмом выступает ритуал, с помощью которого миф проявляется, акцентируя единство с общностью, принявшей субъекта. Субъекты ритуального действия символически представляют себя архетипическими героями через исполнение ролевых функций. «Устойчивость ритуала связана с потребностью в утешении и психоаналитическом очищении, с потребностью в ощущении непрерывности времени (прошлое – настоящее – будущее), потребностью в отождествлении с прототипами прошлого, потребностью в публичном закреплении общественного статуса индивидов, потребностью в символическом преодолении смертности через пополнение коллективного опыта своим индивидуальным опытом, потребностью общества в осознании своего единства»⁵. Ритуал позволяет сонастроить мифологическую программу с процессами социальной динамики, а впоследствии и управлять ими по внедрённой мифосхеме. Мифолого-идеологический императив в данном случае дублируется соответствующими вариантами социально значимых действий, что замыкает диалог должного и реального в массовом сознании.

Говоря о мифотехнологиях, их эффективности, значимости, области и границах применения, не стоит забывать об их главном недостатке: технологичности. Технология всегда отвечает на вопрос «Как эффективнее?», но не на вопрос «Для чего?». Она

всегда инструментальна и в любом процессе играет роль необходимого условия, но не смыслообразующего элемента. В случае с мифом как формой мышления технология своим инструментализмом превращает объект манипуляции из живой, активной, однозначно не определяемой субстанции в вещь, что не может не вызывать сопротивления со стороны последнего. В современной культуре присутствует достаточно моделей протестного поведения: нонконформизм, анархизм, нигилизм, экстремизм и т.п. Но в данном случае, говоря об осознанном сопротивлении символическому насилию над массовым сознанием, стоит упомянуть направление ситуационизма, в последнее десятилетие проявившее себя и в российском интеллектуально-культурном ареале.

Ситуационизм, зародившийся в середине 1950-х гг., представлял собой радикальный вариант борьбы с буржуазным идеологическим террором. С точки зрения ситуационизма, основополагающей компонентой современного капиталистического общественного устройства является «Спектакль», т.е. некое игровое представление, которым может стать все что угодно – от рекламы женских сумочек до предвыборных президентских кампаний. Обычный человек, вовлеченный в пространство Спектакля, не осознает своей зависимости и попадает в рабство. Выход ситуационисты видят в искусственно сконструированной ошеломляющей ситуации, которая разрывает цепи Спектакля. В качестве подобного действия может быть все что угодно – перформанс, выступление, художественное произведение. Фактически основой ситуационизма являются символично-ритуальные технологии, которые, как уже говорилось, работают на социально-деятельностном уровне, а если вспомнить о генетическом родстве религиозного ритуала и театрального действия, то метафора Спектакля как ключа к осознанию сущности происходящего вокруг была выбрана ситуационистами весьма удачно.

Другой приём ситуационизма – декодирование семиотических структур социальных мифов – тоже имеет ритуальную природу.

Семиотический код мифа не даёт раскрыть его глубинную архетипическую структуру, в таком свёрнутом состоянии миф владеет человеком, а значит – всегда представляет для него скрытую потенциальную угрозу, подобно незримому хтоническому началу, растворённому в пространстве космоса. Космогонический ритуал декодирует хтоническое начало, раскрывая его семиотическую структуру, включая её в общий космический семиосис (часто это представляется как процесс называния, или раздачи имён). Таким образом, ситуационизм как бы старается переварить внешнюю закодированную агрессивную среду и в какой-то степени даже упрочить свои позиции.

Подводя итоги обзору основных направлений и технологий современного социального мифотворчества, не стоит делать однозначных выводов о роли и месте подобных явлений социальной реальности. Как было показано, они несут в себе и прогрессивные тенденции и опасность, внутренне парадоксальны, и часто негативные оценки перевешивают. Однако хочется заметить, что философской мысли следует больше обращать внимание не на пути, перспективы и области технологического развития, а на место человека в этом процессе, на эволюционную реакцию его сознания и проступающие за всем этим контуры человеческой сущности.

Примечания

¹ См.: *Зелинский С.А.* Анализ массовых манипуляций в России. Анализ задействования манипулятивных методик управления массами в исследовании деструктивности современной эпохи на примере России. Психоаналитический подход / С.А. Зелинский. СПб., 2008.

² См.: *Кольев А.Н.* Политическая мифология: Реализация социального опыта / А.Н. Кольев. М., 2003. С.68.

³ См.: *Топорков А.* Мифы и мифология в современной России / А. Топорков // *Неприкосновенный запас*. 1999. №6. С.18–24.

⁴ *Велимир, волхв языческой общины «Коляда Вятчей».* Языческий миф в современном обществе. URL: 11.09.2009. <http://www.velimir.ru/txt/t36.html> [Электронный ресурс] / Велимир, волхв языческой общины «Коляда Вятчей».

⁵ *Полосин В.С.* Миф, религия, государство / В.С. Полосин. М., 1998. С.63–64.